

ББК 60.723.5

А.В. Костров

Демографическое движение старообрядческого населения Байкальской Сибири в начале XX в.

Ключевые слова: старообрядчество, семейские, общины, демография, миграция, история.
Key words: Old Believers, semeiskie, groups, demographic, migration, history.

Вопрос естественного и миграционного движения старообрядческого населения Байкальского региона (в составе Прибайкалья, Западного и Восточного Забайкалья) в начале XX в. является важной исследовательской проблемой. Его детальная проработка позволит глубже понять как многие вопросы развития местного старообрядчества, так и характер развития всего местного социума в целом. К проблеме демографического развития в дореволюционный период, в частности купеческих старообрядческих семей центральной Сибири, уже обращались профессиональные исследователи [1]. Однако целый ряд вопросов демографического развития старообрядческих сообществ Байкальской Сибири до сих пор остается мало изученным.

Местное старообрядчество имело сложную структуру. Оно состояло из старообрядцев-«семейских» (сосланных сюда достаточно большой группой во второй половине XVIII в. и представляющих большинство в местном староверии) и несемейских старообрядцев, прибывших в регион в разное время или родившихся в нем. Несмотря на конфессиональную схожесть этих групп, между ними имелись заметные отличия, проявляющиеся как в культуре, так и в общественном быту. Для нас же подобная сложносоставность местного старообрядческого мира дает возможность компаративного анализа некоторых аспектов как естественного, так и миграционного движения этих групп староверов в начале XX в.

Рассмотрим сначала общие тенденции естественного движения старообрядческого населения края. Уровень рождаемости в среде старообрядцев традиционно был высоким. И это было характерно как для старообрядчества в целом, так и для старообрядцев региона. В частности, семейские женщины рожали от 10 до 24 детей, в результате чего естественный прирост населения в несколько раз превышал соответствующий показатель у других групп населения [2, с. 107]. Например, по официальным данным, среди старообрядцев Куйтунской, Куналейской, Брянской, Никольской, Тарбагатайской, Мухоршибирской, Бичурской, Окино-Ключевской, Нижне Жиримской, Погромнинской и Верхнетальцинской волостей Забайкальской области в 1907 г. было зафиксировано 2201 рождение, 1406 смертей и 270 браков. В 1909 г.

было зафиксировано уже 2457 рождений, 1755 смертей и 322 брака [3, л. 3–4]. Подобная ситуация обуславливалась как старообрядческой культурой, так и характером социально-экономического развития группы. Причем уровень рождаемости среди семейских был несколько выше, чем у несемейских староверов. И прежде всего это было связано с более стабильной социально-экономической ситуацией в среде «семейщины». В то время как в среде несемейских староверов миграционный приток с преобладанием мужчин, а также меньшая хозяйственная стабильность многих общин отрицательно влияли на уровень рождаемости.

Характерно, что высокий уровень рождаемости был не только у старообрядцев, живущих в сельской местности, но и у староверов-горожан. Например, на фоне общего отрицательного движения у большинства конфессиональных групп Иркутска в 1907 г. [4, с. 186] старообрядцы сохраняли стабильные положительные показатели демографического роста. И если в одной из старообрядческих общин города в среднем умирало 19 человек в год, то рождалось – 40 [5]. Подобная ситуация была и в других городах региона.

Что касается смертности среди старообрядческого населения, то, кроме того, что она была ниже, чем у большинства других групп населения, для нее были характерны также высокие старческие и детские показатели. Следовательно, большая часть умерших была либо в преклонном, либо в младенческом возрасте. Больше половины смертей были детскими, при этом около 90% из умерших детей были в возрасте до одного года [5]. Этот факт показателен. Старообрядческие общины, будучи во многом традиционалистскими сообществами, сохраняли характер демографического движения, присущего традиционным обществам. Наряду с высоким уровнем рождаемости, сохранялась высокая детская смертность. Последняя выступала естественным регулятором воспроизводства общества. Если женщины рожали много детей, то слабые и болезненные умирали в младенчестве, а выжившие вырастали и становились хорошими работниками, способными дать здоровое потомство.

Подобная демографическая ситуация, сохранявшаяся у старообрядцев и в начале XX в., отразилась в их традиционной культуре. В частности, в относительно спокойном отношении к детской смертности («Бог дал – Бог взял»), а также в целом комплексе воззрений и обычаев, связанных с этим сюжетом.

Вместе с тем для старообрядческой среды характерен и показателен процент смертности среди подростков и молодых людей, который больше выглядел как исключение. Средний возраст смерти среди взрослых достигал 61 года. Наряду с этим многие долгожители доживали не только до 85, но и до 90 и даже 100 лет. Феномен долгожительства, особенно в среде семейских старообрядцев, зависел от праведной, трезвой и размеренной жизни, связанной с течением цикла сельскохозяйственных работ.

В целом естественный прирост старообрядческого населения региона был достаточно высок и в «5 раз превышал соответствующий показатель для остальных земляков» [2, с. 278]. При этом доля мужского населения в среде местных и особенно новоприбывших старообрядцев традиционно преобладала над женской. Так, к 1912 г. в среднем на 100 женщин приходилось 105 мужчин. И если в сельской местности соотношение женщин и мужчин было 100 к 104, то в городах, где приток мигрантов был более высок, преобладание мужчин было гораздо более заметным [6, с. 169].

Подобный характер и темпы естественного прироста позволяли старообрядчеству региона достаточно стабильно воспроизводиться и развиваться. При этом в большей мере за счет естественного движения населения в тот период развивалась семейская часть местного старообрядчества. В то же время несемейская его часть, наряду с естественным движением, достаточно активно развивалась под влиянием миграционного движения.

Миграция традиционно была одним из важных факторов формирования населения региона. Развитие транспортных коммуникаций и местной экономики в значительной степени активизировали миграционные процессы в начале XX в. Не оставалось в стороне от этих процессов и старообрядчество края. По большому счету старообрядческую миграцию можно разделить на внутрирегиональную и внешнюю.

Внутрирегиональная миграция старообрядческого населения была прежде всего связана с социально-экономическими причинами и имела несколько видов. Первый из них – это переселение из одной сельской местности в другую из-за малоземелья и аграрной перенаселенности. Например, достаточно большая группа (около 1000 человек) беспоповцев из таких «старых» семейских сел как Куйтун, Куналей и Новая Брянь, еще в XIX в. переехала в села Ново-Курбинское, Унгитинское и Хасуртинское [7]. Не исключено при этом, что определенную роль в организации подобного переселения могло играть конфессиональное «согласийное» начало. Уже в начале XX в. выходцы из села Большой Куналей переселились в ряд волостей Нерчинского округа, находящихся по реке Шилке. В то же время выходцы из села Бичура переселились в Баргузинский округ и разместились вблизи Горячинска. И таких примеров масса. При этом подобная миграция могла идти как достаточно большими группами, так и семьями

и даже поодиночке. Однако одиночное переселение чаще всего осуществлялось «к своим». Старообрядец переезжал в населенный пункт, в котором уже закрепились его единоверцы, которые к тому же нередко были его родственниками.

В рамках «сельской» внутрирегиональной миграции семейские чаще всего переселялись из Верхнеудинского уезда в уезды Селенгинский, Баргузинский и Нерчинский. Например, старообрядцы села Тарбагатай Думнов Клим Тарасович и Думнов Фока Фомич (очевидно, двоюродные братья) переехали в деревню Исток Горячинского почтового отделения Баргузинского уезда. А тарбагатаец Трифонов Аббакум Федорович переехал в село Ключи Селенгинского уезда [8, л. 1–5].

Другим видом как сезонной, так и стабильной миграции старообрядческого населения внутри региона был отход на заработки. Иногда подобный отход приводил к достаточно длительному проживанию старообрядцев в местах заработков. И хотя большая часть отходников после завершения сезонных работ возвращалась в родные деревни, некоторые из них обосновывались на новых местах. Примером может служить история тарбогатайских старообрядцев Думновых, переехавших и обосновавшихся в начале XX в. в городе Нерчинске. Подобные семьи нередко становились базой для своих единоверцев, сезонно приходящих на заработки. Самой большой популярностью среди отходников были железная дорога и особенно прииски. Это нашло свое отражение в официальных документах. Благочинный 5-го округа Забайкальской епархии Николай Писарев в 1912 г. писал о том, что «... в приходах Сретенском, Кокуйском, Усть-Карыйском и Горбачевском временно проживают раскольники» [9, л. 8]. О присутствии староверов на территории Нерчинского прихода, также известного как центр золотодобычи, писал в своем отчете благочинный 23-го округа Забайкальской епархии Николай Попов [10, л. 5].

Крайней формой в миграции из сельских районов в районы промышленные был переезд в город. И хотя достаточно большая часть староверов, пришедших в город на заработки, потом возвращалась в село, в исследуемый период, как уже отмечалось, старообрядцы активно участвовали в создании городского населения. При этом местные староверы переезжали из сельской местности как в крупные, так и в небольшие города региона. Самой большой приток старообрядцев был в города Верхнеудинск, Читу и Иркутск. Общее официальное количество старообрядцев в этих городах к 1911 г. перешло за тысячу человек, а неофициальное было в несколько раз больше.

Представители семейского анклава чаще всего переезжали в Верхнеудинск, где представляли большинство городского старообрядчества. В то же время несемейские старообрядцы чаще селились в Чите и

Иркутске. Например, старообрядцы села Тарбагатай Иван Афиногенович Гаврилов и Роман Самсонович Чебунин переехали на жительство в Верхнеудинск [8]. Так же поступили зажиточные староверы села Куйтун Иосиф Васильевич Потемкин и Трофим Амплеевич Борисов. Вместе с тем семейские крестьяне и предприниматели иногда переезжали в удаленные от родных деревень города региона в Читу и даже в Иркутск. В частности, в Иркутск переехал старообрядец села Куйтун Верхнеудинского уезда Аксентий Борисов [11, л. 3]. Характерно при этом, что столь дальние переезды чаще всего совершались при помощи родни или разных общин одного согласия.

И все-таки внутрирегиональная миграция староверов из села в город чаще всего осуществлялась в рамках какой-либо местности. И если большая часть старообрядцев Верхнеудинска была родом из разных волостей Верхнеудинского уезда, то, например, в составе местных сельских мигрантов Иркутска в основном были представители Иркутской губернии, в частности, трех волостей Иркутского уезда, двух волостей Нижнеудинского уезда и четырех волостей Балаганского уезда [12].

Многие из деревенских общин имели связь с городом как экономическим центром через своих представителей, которые нередко играли роль торговых агентов, т.е. поначалу основным мотивом их пребывания в городе было представительство экономических (и других) интересов сельских общин. Однако со временем эти представители сельских общин обживались в городе и становились основой для создания не только городского представительства интересов односельчан, но и собственно городской общины.

В начале XX в. имели место и переезды местных старообрядцев из одного в другой город региона. Например, известно о переезде из Нерчинска в Верхнеудинск старообрядческой семьи Думновых [13, с. 157]. Также почетная гражданка Верхнеудинска старообрядка Евфросинья Тихоновна Модестова переехала в Иркутск [14, л. 3]. В причинном ряду таких перемещений могли быть коммерческие дела, интересы согласия и личные дела, в частности, связанные с заключением брака. Последний мотив вообще играл важную роль в индивидуальной миграции староверов внутри региона. И хотя эта индивидуальная миграция не носила такого масштабного характера, как, скажем, миграция из-за малоземелья, все-таки она играла свою роль в перераспределении старообрядцев по территории края. Чаще всего переселение из-за заключения брака осуществлялось в сельской местности и происходило между двумя деревнями. Но были также случаи переезда из села в город или из города в город. Староверы, родившиеся или осевшие в городе, искали невест и женихов среди представителей своего согласия. Если такового не могли найти в городе, то искали в сельских общинах, связи с которыми были крепкими.

В итоге в результате заключения брака между городскими и сельскими староверами последние чаще всего перебирались в город. Например, старообрядка села Усолье Иркутского уезда Аполинария Евграфовна Макарова после заключения брака переехала к мужу в Иркутск [14, л. 2]. И таких примеров было много. Гораздо реже старообрядцы переезжали из города в город из-за заключения брака. Но все-таки такие примеры были. В частности, упоминавшаяся почетная гражданка Верхнеудинска Е.Т. Модестова при заключении брака с мещанином из Варшавы старовером белокриницкого согласия Яковом Кожемякиным, проживающим в Иркутске, переехала к мужу [14]. В целом же подобная «брачная» миграция вносила свои коррективы в размещение старообрядчества региона и, в частности, способствовала росту городских общин разных согласий.

В общем же основные тенденции старообрядческой миграции внутри региона можно определить следующим образом: переселение людей между общинами разных населенных пунктов вследствие заключения браков, миграция вследствие малоземелья с целью освоения новых аграрных территорий, миграция в промышленные и транспортные центры, переезд в города.

Очень важным элементом жизни старообрядчества региона в начале XX в. была внешняя миграция. Эту миграцию по большому счету можно разделить на приток населения в регион и отток населения в другие регионы. Также дополнительно можно выделить транзитную миграцию, которая тоже оказывала определенное влияние на жизнь как края, так и местного старообрядчества.

Приток староверов в регион был частью общего переселенческого движения из западных областей страны, так активизировавшегося в начале XX в. При этом приток староверов по линии внешней миграции шел прежде всего в несемейскую часть местного старообрядчества. И хотя были примеры переселения староверов из других губерний в среду семейских, все же основная их масса вливалась в ряды несемейского старообрядчества. Примером интеграции в семейскую среду могут быть беспоповцы села Десятниково Абрам Никифорович и Андрей Никифорович Байчуровы, которые родились в селе Можарки Козьмодемьянской волости Коломенской губернии и вместе с семьей переехали в Забайкалье (цит. по: [15, с. 69]). Другим примером может служить история белокриницкого священника Антония Андриановича Пучкова, который происходил из крестьян Полевской волости Сердобского уезда Саратовской губернии и был назначен на службу в белокриницкий приход семейского села Куйтун [16, л. 5]. Как видим, процесс интеграции мигрантов в семейскую среду мог быть связан как с экономическими (как в первом случае), так и с религиозными мотивами (второй случай). При

этом и первое, и второе переселение происходило по линии согласия, т.е. при непосредственном влиянии конфессионального начала старообрядчества.

И все-таки чаще всего новоприбывших старообрядцев интересовали экономические центры региона и прежде всего города, в частности Иркутск, который в определенном смысле стал центром притяжения старообрядческих мигрантов из западных регионов страны. При этом город интересовал и как место нового пребывания, и как удобная перевалочная база для дальнейшего транзитного движения на восток. Показателен в данном случае состав одной из старообрядческих общин Иркутска, оформившейся в 1906–1908 гг. Наряду с собственно иркутянами и выходцами из разных уездов Иркутской губернии, а также с несколькими представителями Забайкальской области, большую часть общины составили переселенцы из других (прежде всего западных) регионов. В частности, в состав общины входили выходцы из Московской, Рязанской, Калужской, Нижегородской, Саратовской, Вятской, Смоленской, Минской, Могилевской, Витебской, Виленской, Лифляндской, Черниговской, Киевской, Казанской, Пермской, Тюменской, Тобольской, Енисейской губерний, Амурской области, области войска Донского, а также царства Польского [17]. Мы видим, что в основном представлены центральные и западные регионы Российской империи. Больше всего мигрантов было из белорусских губерний (Могилевской, Минской, Витебской), на втором месте по количеству прибывших староверов были центрально-русские губернии (Московская, Калужская, Рязанская и др.). Наряду с миграцией из разных мест европейской территории страны имело место переселение с Урала и Западной Сибири. Основными мотивами подобного переселенческого движения были: а) малоземелье у себя на родине; б) коммерческие дела. При этом нередко была ситуация, когда сельские староверы, покинувшие родные места из-за аграрной перенаселенности на новом месте начинали заниматься торговлей, а не сельским хозяйством, т.е. один мотив переселения плавно переходил в другой. Характерно при этом, что наряду с достаточно массовой миграцией с запада случаи миграции с востока (из Амурской области и др.) носили единичный характер и имели место либо в случае заключения брака, либо в интересах укрепления экономических и других связей общин [18].

Миграция старообрядцев из региона шла в общем русле колонизационного движения российского общества на востоке страны и чаще всего своей целью имела Амурскую область и Приморье. Также незначительная миграция населения была в приграничную полосу Китая и Монголии. В некоторых случаях староверы ехали на север [19, с. 60–80], а иногда и на запад – в экономические и культурные центры страны и своего согласия [20]. В старообрядческой миграции

из региона доминировали семейские. Прежде всего это было вызвано высокими темпами роста населения в семейских селах и ставшим уже традиционным малоземельем. В миграционном потоке они смешивались с мигрировавшими на восток староверами западных губерний и вместе с ними принимали участие в формировании старообрядчества Дальнего Востока [21]. Характерно при этом, что в причинном ряду миграции из региона у старообрядцев иногда были свои специфические причины. В частности, в марте 1910 г. 19 семей семейских старообрядцев собрались переехать в Южно-Уссурийский край в силу давления со стороны местного начальства, которое заставляло их заводить метрические книги. И хотя начальство пошло на попятную, можно сказать, что у подобного переселения, наряду с возможными экономическими, были и политические мотивы [22]. Во многом это могло быть новым уходом от «антихристовой» администрации на новые, «не замиренные» земли [23, с. 20–22].

Старообрядцы разных волостей Верхнеудинского и других уездов поселялись на разных железнодорожных станциях, поселках и городах Амурской области и Приморья. Они активно участвовали в аграрном освоении края, нередко создавая при этом новые населенные пункты. Кроме сельского хозяйства на новом месте староверы занимались разными промыслами, занимались на строительство и прииски, занимались торговлей.

При этом поток мигрантов был значительным и в разные годы доходил до нескольких тысяч. В итоге власти были вынуждены внести большую регламентацию в этот процесс и в марте 1914 г. «ввиду усилившегося переселенческого движения на Амур» провести в старообрядческих селах Забайкалья разъяснительную работу (цит. по: [24, с. 135]). В частности, разъяснялось, что при переселении «на правительственную ссуду надеяться нельзя», так как она выдается только тогда, когда переселенцы «уже заведут хозяйство» на новом месте. Также говорилось, что «приступая к переселению надо, прежде всего, послать ходоков для осмотра» предполагаемого места заселения. При этом ходоков должно было быть не более чем один от пяти семейств предполагаемых переселенцев [25, с. 135].

Вместе с тем наряду с типичным набором переселенческих трудностей, старообрядцам было несколько проще, чем представителям некоторых других групп мигрантов. Во-первых, у них был богатейший колонизационный опыт, а во-вторых, старовер мог в той или иной мере опереться на своих единоверцев, уже освоившихся на новом месте. Следовательно, консолидирующая роль конфессионального фактора позволяла оптимизировать миграционный и другие (например хозяйственный, торговый) процессы.

В целом, можно сказать, что темпы естественного и миграционного движения старообрядческого на-

селения в начале XX в. были достаточно высокими. Это достигалось как за счет высокого уровня естественного прироста старообрядцев, так и их высокой миграционной активности. В результате подобной динамики осуществлялось количественное и качественное развитие старообрядчества края. Более того,

набирающее силу миграционное движение позволяло в значительной мере укрепить всемерные связи местных старообрядцев как со старообрядческими общинами западных регионов, так и с активно формирующимися старообрядческими общинами восточных территорий страны.

Библиографический список

1. Гончаров, Ю.М. Национально-конфессиональные особенности демографических процессов в купеческих семьях Сибири периода капитализма (к вопросу о специфике семей старообрядцев) / Ю.М. Гончаров // Старообрядчество: история и культура : сб. науч. ст. – Вып. 1. – Барнаул, 1999.
2. Дулов, А.В. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX вв. / А.В. Дулов, А.П. Санников. – Иркутск, 2006. – Ч. 2.
3. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). – Ф. 337. – Оп. 2. – Д. 1564.
4. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю.П. Колмаков. – Иркутск, 2003.
5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). – Ф. 279. – Оп. 1. – Д. 1–3.
6. Козулин, А.В. Особенности изменения численности и структуры старообрядческого населения Забайкальской области в конце XIX – начале XX вв. / А.В. Козулин // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : материалы V конференции. – Улан-Удэ, 2007.
7. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 395.
8. НАРБ. – Ф. 207. – Оп. 2. – Д. 321.
9. ГАЗК. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 910.
10. ГАЗК. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 910.
11. ГАИО. – Ф. 279. – Оп. 1. – Д. 2.
12. ГАИО. – Ф. 279. – Оп. 1. – Д. 1–10.
13. Курикалова, А.В. Священнослужители Забайкалья. Жизнь и служение исповедника Сергия Думнова, иерея старообрядческой церкви Белокрыницкой иерархии / А.В. Курикалова // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : материалы IV конференции. – Владивосток, 2004.
14. ГАИО. – Ф. 279. – Оп. 1. – Д. 4.
15. Болонев, Ф.Ф. Пахари и раиники русских волостей Западного Забайкалья в XIX – начале XX вв. / Ф.Ф. Болонев. – Новосибирск, 2005.
16. ГАЗК. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 949.
17. ГАИО. – Ф. 279. – Оп. 1. – Д. 1–5.
18. ГАИО. – Ф. 279. – Оп. 1. – Д. 4.
19. Болонев, Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. / Ф.Ф. Болонев. – М., 2004.
20. Бураева, С.В. «Многогрешные художники» старого Забайкалья / С.В. Бураева // Старообрядчество: история и культура : сб. ст. / под ред. Л.С. Дементьевой, В.Ю. Инговатова. – Барнаул, 2002. – Вып. II
21. См.: Аргудяева, Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России / Ю.В. Аргудяева. – М., 2000.
22. НАРБ. – Ф. 337. – Оп. 1. – Д. 1564.
23. Костров, А.В. Старообрядчество и старообрядческая историческая мысль во второй половине XIX – начале XX вв. / А.В. Костров. – Иркутск, 2006.
24. Петрова, Е.В. Современное забайкальское старообрядчество: этносоциологический анализ / Е.В. Петрова. – Улан-Удэ, 2005.